

взгляды человека, страдающего в заточении, едва ли могут отличаться беспристрастием и спокойствием), — нет, на послание Даниила должно смотреть как на выражение взглядов и убеждений, господствовавших в XII и XIII вв. среди княжеской дружины, по крайней мере, среди наиболее передовых ее членов“.¹

Взгляды Е. Модестова на Слово Даниила Заточника в методологическом отношении явились шагом вперед по сравнению с высказываниями предыдущих исследователей. Подобно своим предшественникам, и Е. Модестов интересуется общественным положением автора Слова Даниила Заточника, однако этот вопрос занимает его не для того только, чтобы уточнить биографические данные о попавшем в беду несчастном Заточнике, в реальное существование которого он не верит, а для того, чтобы понять сущность высказанных в памятнике взглядов. Последние Е. Модестов приурочивает к определенной среде и определенному времени, хотя сами эти взгляды в его изложении носят расплывчатый характер.

И. А. Шляпкин, издавший в 1889 г. Слово Даниила Заточника по всем известным в то время спискам, не пошел по пути Е. Модестова и в своей вводной статье к изданию памятника трактует его как всеобъемлющее произведение, которое на протяжении пяти веков отражало протесты русского человека против любых жизненных неурядиц — от крепостного права до семейных неприятностей! „Личность Даниила, — пишет И. А. Шляпкин, — врезалась в народную память, и к ней приросла любовь русского народа: говорю народа, ибо духовенству не могло нравиться то уже совсем не смиренное отношение к жизни, то начало протеста, которым насквозь проникнуто все Слово. Слово целиком направлено против всего, что тяготило русского человека в продолжение пяти веков, с XII по XVII в.: тут выходы против корыстных и злых рядовичей и думцев, против бессмысленных богачей, против семейной кары — жены злообразной, против лицемерия, против крепостного права и проч. Все это дает нашему слову большую цену и высоко ставит его в ряду памятников, освещающих историю развития нашего народного самосознания в былое время“.²

В. А. Келтуяла с позиций экономического материализма (от которого, впрочем, он сам всячески отрецировался) рассматривал Даниила Заточника как жертву „бояр-капиталистов“ и излагал такие подробности из его биографии, на которые в самом памятнике даже намек нет. В представлении В. А. Келтуяла Даниил — молодой дворянин, „сын зажиточных родителей, очень образованный и начитанный для своего времени, т. е. для первой половины XIII в. Провинившись в чем-то пред своими родителями (вероятно, слишком отдавался чтению

¹ Е. Модестов. О послании Даниила Заточника. ЖМНП, 1880, ноябрь, стр. 178, 182—184.

² Памятники древней письменности и искусства, вып. 81. СПб., 1889, стр. 6.